

A movie poster for the film '11 Minutes'. The background is a photograph of a man, Vladimir Kozhevnikov, and a woman standing in front of a large, classical-style building. The building features a large circular clock face and a statue on top. The man is wearing a dark suit and holding a folder, looking off to the side. The woman is wearing a light-colored coat and looking towards the camera. The text 'Владимир Кожевников' is at the top, '11 минут' is in the middle, and 'первичности' is at the bottom, all in white. A small, torn piece of paper is visible on the right side of the building.

Владимир Кожевников

11 минут

первичности

Владимир Кожевников

11 минут первичности

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

11 минут первичности / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

В городе, где раз в сто лет Комитет первичности меняет онтологический режим, клерк Тимофей Вересов теряет жену-аудитора. Однажды он обнаруживает служебный зазор — одиннадцать минут, когда оба ответа на главный вопрос философии официально верны. Подав взаимоисключающие бумаги, Тимофей растягивает эти минуты: сначала до часа, потом до суток. В удлинённом зазоре жена возвращается как «недостающая переменная» — не дух и не воспоминание, а человек, которого можно спасти, пока ответ не выбран. Но город начинает жить в онтологическом долге: предметы требуют, чтобы их помнили, а воспоминания — чтобы их подтвердили физически. Чтобы удержать зазор, Тимофею нужны свидетели: дворник с метлой, идеалист с термосом, проверяющий с очками на лбу и мальчик, который умеет только молчать. А в финале выясняется, что жена пришла из противоположного режима и проверяла не симуляцию любви, а его самого. Теперь ему предстоит выбрать, какую версию её оставить — и снова проголосовать за первичность.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Канцелярия на краю онтологии	5
Глава 2. Протокол о недостающей переменной	7
Глава 3. Сутки, которых не было в календаре	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

11 минут первичности

Глава 1. Канцелярия на краю онтологии

Город Канцелярия-на-Стрелке просыпался под дождём, который ещё не решил, падать ему вниз или вверх. Такое случалось раз в сто лет, в канун Переключения, когда Комитет первичности готовился сменить онтологический режим. При материализме законы физики были жёсткими, как рельсы; при идеализме — договорными, как очередь в кассу. Между режимами оставался служебный зазор: одиннадцать минут, в течение которых оба ответа на главный философский вопрос считались официально верными. В эти минуты мир не был ни тем, ни другим. Он был черновиком, который забыли закрыть.

Тимофей Ильич Вересов сидел за третьим столом отдела сверки — там, где гасили взаимоисключающие заявления. Над его головой висела лампа с абажуром из зелёного сукна; она освещала не столько бумаги, сколько пыль, которая в преддверии Переключения вела себя неприлично: то оседала, то поднималась обратно, будто вспоминала, что когда-то была частью чьего-то вдоха.

Работа Тимофея была проста до тошноты. Если в окно приёма падали две бумаги с противоположными утверждениями, старший клерк обязан был выбрать одну, погасить вторую и поставить штамп «онтологическое расхождение устранено». Штамп был тяжёлый, с гербом из двух половин: слева — молоток, справа — облако. Тимофей ставил его тысячи раз и всякий раз чувствовал, как в столе что-то щёлкает, будто в глубине канцелярии кто-то пересчитывает кости мира.

Дома его ждала чашка с отбитой ручкой. Чашка принадлежала Аде Львовне, аудитору второй категории. Ада проверяла подлинность чувств по физическим следам: температуре ладоней, дрожи голоса, числу необъяснимых возвращений к одному и тому же окну. Она умела смотреть на человека так, будто взвешивала его на невидимых весах. Тимофей любил её не как переменную, а как единственную ошибку, которую не хотел исправлять.

Потом её списали. В акте стояло: «избыточная переменная, не влияющая на результат голосования». С тех пор Тимофей ненавидел слово «результат».

В тот день, за сорок минут до закрытия, ему принесли две папки. В первой лежало заявление: «Материя первична. Сознание — производное. Прошу зарегистрировать в общем порядке». Во второй: «Сознание первично. Материя — договорное следствие. Прошу зарегистрировать в том же такте». Обе были поданы от одного лица — старухи в пальто цвета мокрого асфальта, которая стояла у окна и улыбалась так, будто уже знала ответ.

По регламенту Тимофей должен был погасить одну. Но в нижнем углу второй папки он заметил карандашную пометку, сделанную почерком, от которого у него пересохло во рту. Так писала Ада: быстро, с наклоном влево, будто буквы спешили уйти раньше смысла. Пометка гласила: «Если такт совпадает — не гасить. Зазор тянется».

Тимофей открыл служебный регламент. В параграфе сорок два, пункте «б», было сказано: «В служебном зазоре допускается одновременная регистрация взаимоисключающих оснований, если они имеют одинаковый вес, одинаковую дату и одинаковую степень сомнения». Одинаковую степень сомнения. Тимофей впервые за много лет усмехнулся. В канцелярии сомнение измеряли в граммах — на особых весах, которые стояли в подвале и назывались «аппаратом совести». К ним допускали только старших клерков.

Он взял обе папки и спустился в подвал. Аппарат совести был похож на старинные аптечные весы под стеклянным колпаком. На одну чашу Тимофей положил заявление о материи, на

другую — о сознании. Стрелка дрогнула и замерла ровно посередине. В стекле отразилось его лицо: уставшее, с воспалёнными глазами, но живое. Впервые за долгое время он почувствовал, что делает не работу, а попытку.

До зазора оставалось одиннадцать минут. Тимофей вернулся в отдел, поставил обе папки в приёмное окно и нажал на рычаг одновременной регистрации. Механизм заскулил, как старый пёс, которому наступили на хвост. В коридоре погас свет. Потом загорелся снова, но уже иначе: лампы светили не вниз, а в стороны, и тени падали не от предметов, а к предметам.

Часы над столом показали 11:00. Зазор начался.

Первое, что изменилось, — звук. Канцелярия всегда гудела ровно, как улей, набитый бумагой. Теперь гул распался на голоса. Шёпот шёл из ящиков, из папок, из-под сукна на столе. Тимофей слышал, как степлер просит, чтобы его помнили, и как скрепки отвечают, что помнить — не их обязанность. На подоконнике чернильница покрылась инеем, хотя в комнате было тепло. Иней складывался в слова: «оба верны».

Тимофей взял чистый лист и написал: «Материя первична». Буквы легли ровно. Потом на том же листе, поверх, он написал: «Сознание первично». Буквы не перечеркнули первые, а прошли сквозь них, как рыбы сквозь воду. Лист стал тяжелее — и одновременно легче. На весах в подвале, он знал, стрелка сейчас качалась бы между двумя ответами, не выбирая.

В зазор нельзя было войти дважды: регламент запрещал. Но регламент не запрещал продлить уже начавшийся зазор. Для этого нужно было подать третью бумагу — «уточнение к обоим основаниям», — и сделать это до истечения одиннадцатой минуты. Тимофей вытащил из ящика бланк уточнения. В графе «предмет уточнения» он написал: «недостающая переменная». В графе «фамилия, имя, отчество» — «Вересова Ада Львовна».

Рука дрогнула. Он поставил подпись и вдруг услышал за спиной голос. Не шёпот из ящика, не гул папок, а её голос — низкий, чуть насмешливый, с той самой интонацией, которой она говорила: «Тима, ты опять перепутал первичное с важным».

— Ты опоздал на одиннадцать минут, — сказала Ада.

Тимофей обернулся. За его столом никого не было. Но на стуле лежала её перчатка — левая, с протёртым пальцем. Часы над столом показывали 11:11. Зазор не закончился. Он тянулся.

В этот момент в коридоре загорелась красная лампа, и голос старшего клерка, искажённый динамиком, произнёс:

— Внимание. Зафиксировано онтологическое удлинение. Отдел сверки, приготовиться к проверке. Комитет не любит, когда мир сомневается дольше положенного.

Тимофей взял перчатку. Она была тёплой.

Глава 2. Протокол о недостающей переменной

Тимофей спрятал перчатку во внутренний карман пиджака. Она была тёплой и слегка пахла можжевельником — так пахли руки Ады после прогулок по набережной, когда она ещё не была «избыточной переменной». Всю ночь он просидел на кухне, глядя, как чашка с отбитой ручкой медленно поворачивается на блюде, будто пытается вспомнить, с какой стороны её держали. К утру чашка остановилась и написала на скатерти чайным следом: «подтверди».

В отдел сверки он пришёл за десять минут до открытия. Но канцелярия уже работала. В коридоре пахло мокрой бумагой и электричеством. У окна приёма стояла очередь из трёх человек и одного пальто без человека — пальто висело в воздухе и требовало, чтобы его зарегистрировали как «утраченную вещь с претензией на память». Тимофей обошёл пальто и сел за свой стол. Перчатка в кармане сжалась в кулак.

Проверяющий из Онтологического надзора появился ровно в девять. У него была привычка снимать очки и протирать их краем галстука, после чего надевать обратно, но не на нос, а на лоб. Звали его Эраст Платонович. Он вошёл, не постучав, сел напротив и положил на стол папку с гербом из двух половин — молотка и облака.

— Зазор длится двадцать три минуты, — сказал он, протирая очки. — Это на двенадцать больше нормы. По регламенту вы обязаны были погасить уточнение через одиннадцать минут. Вы не погасили. Объяснитесь.

Тимофей вытащил бланк уточнения. Эраст Платонович надел очки на лоб и прочитал. Потом прочитал ещё раз, шевеля губами, как первоклассник. В графе «предмет уточнения» было написано: «недостающая переменная». В графе «фамилия, имя, отчество» — «Вересова Ада Львовна».

— Вы понимаете, что это значит? — спросил проверяющий.

— Нет, — честно сказал Тимофей.

Эраст Платонович поднялся и подошёл к окну. За окном дворник в оранжевом жилете подметал тротуар. Метла ходила туда-сюда, но не касалась земли: между ворсом и асфальтом оставался зазор в палец, и в этот зазор просачивался свет. Дворник злился, кричал: «Помните меня!» — и бил метлой по воздуху. Прохожие обходили его стороной, но их тени цеплялись за его тень и не хотели отпускать.

— Вот, — сказал Эраст Платонович, не оборачиваясь. — Онтологический долг. Чем больше зазор, тем больше предметов требует подтверждения своего существования. Сначала мелочь: чашки, перчатки, метлы. Потом — вещи покрупнее. Дома. Улицы. Люди. — Он повернулся и посмотрел на Тимофея поверх очков, которые всё ещё были на лбу. — Вы запустили механизм. Теперь каждый предмет, который вы помните, будет требовать, чтобы его помнили и другие. А каждый предмет, который вы забыли, будет требовать, чтобы его забыли официально. Это и есть онтологический долг.

— А если я погашу уточнение? — спросил Тимофей.

— Тогда зазор схлопнется. Через одиннадцать минут. И ваша недостающая переменная исчезнет. — Эраст Платонович снял очки со лба и протёр их снова, хотя они были чистые. — Но пока вы его не погасили, у вас есть время. Неофициально. Я не должен вам это говорить.

Он вышел, забыв на столе папку. Тимофей открыл её. Внутри лежал акт отдела кадров: «Вересова А.Л. переведена в аудиторы первой категории с испытательным сроком. Задача: проверить, не симулирует ли сознание любовь». Дата стояла за месяц до её «списания». Тимофей перечитал три раза. Потом перчатка в кармане сжалась в кулак, и он услышал голос Ады — не шёпот из ящика, не гул папок, а её настоящий голос, низкий и чуть насмешливый:

— Тима, ты опять ищешь причину, а надо искать следствие.

— Где ты? — спросил он шёпотом.

— В архиве. Стеллаж семь, полка «Аудиторы». Но я не то, что ты думаешь. Я — то, что ты не успел проверить.

Голос исчез. Перчатка разжалась. На ладони, там, где протёртый палец, выступила капля воды. Тимофей слизнул её. Солёная.

В архив он спустился по служебной лестнице, мимо аппарата совести. Весы под стеклянным колпаком стояли неподвижно, но стрелка дрожала, как будто на чашах лежало что-то невидимое. Тимофей нашёл стеллаж семь, полку «Аудиторы». Папка Вересовой А.Л. была тонкой. Внутри — направление на проверку, три жалобы от граждан на «избыточную эмоциональность» и фотография. На фотографии Ада стояла у окна с секундомером в руке. На обороте было написано: «Проверка симуляции любви. Метод: наблюдение за физическими коррелятами. Результат: не выявлено. Примечание: объект проверки — Вересов Т.И.»

Тимофей сел на пол. Пол был холодный и пах пылью. Он смотрел на фотографию и понимал, что Ада проверяла не кого-то, а его. Проверяла, не симулирует ли он любовь. И не выявила. Или выявила? В графе «результат» стояло «не выявлено» — но что именно не выявлено: симуляция или любовь? Он перечитал. «Не выявлено» относилось к симуляции. Значит, любовь была настоящей. Или её не было, но симуляция была настолько хороша, что комиссия не отличила? Тимофей не знал. Он знал только, что теперь у него есть онтологический долг, перчатка, которая сжимается в кулак, и двадцать три минуты зазора, которые нужно растянуть до суток.

Он поднялся наверх, сел за стол и вытащил два чистых бланка. На первом написал: «Материя первична. Прошу продлить зазор на двадцать четыре часа для проведения дополнительной сверки». На втором: «Сознание первично. Прошу продлить зазор на двадцать четыре часа для проведения дополнительной сверки». Обе бумаги он положил в приёмное окно и нажал на рычаг одновременной регистрации.

Механизм на этот раз не заскулил. Он запел. Тонко, как стекло под пальцем. В коридоре погас свет. Когда он загорелся снова, часы над столом показывали 11:11, но цифры шли не вперёд, а назад. Зазор не просто длился. Он рос.

За окном дворник наконец опустил метлу. Она коснулась асфальта и осталась там. Дворник посмотрел на неё, потом на Тимофея в окне и сказал беззвучно, одними губами: «Спасибо». А на стене за спиной Тимофея появилась тень. Она была не от него. Тень была от женщины, которая стояла очень близко, но её самой не было.

Тень подняла руку и поманила.

Глава 3. Сутки, которых не было в календаре

Тимофей вышел на улицу, и город обрушился на него звуками. Не гул машин, не шаги прохожих — а требования. Каждый дом на его улице говорил. Первый дом справа, с облупленным фасадом и лепниной в виде виноградной лозы, повторял: «Меня построили в тысяча восемьсот девяносто четвёртом году. Подтвердите». Второй дом, серый, с заколоченными окнами, молчал, но его дверь была приоткрыта, и из щели пахло забытым — пылью, старыми письмами, кошкой, которая умерла, но которую никто не хоронил. Тень Ады шла рядом. Она была тонкой, как след на запотевшем стекле, и двигалась чуть впереди, показывая дорогу. Когда Тимофей замедлял шаг, тень останавливалась и оборачивалась — без лица, но с явным укором.

На площади Согласия стоял памятник Первичности: две бронзовые половины, молоток и облако, соединённые стержнем. Обычно он молчал. Сегодня половины спорили. Молоток говорил: «Я тяжёлый, значит, я есть». Облако отвечало: «Ты тяжёлый, потому что тебя помнят». Молоток злился: «Меня помнят, потому что я тяжёлый». Облако усмехалось: «Докажи». Прохожие обходили памятник по широкой дуге. Один старик в фуражке остановился, послушал и сказал: «Раньше хоть молчали». Тень Ады поманила Тимофея дальше.

Они дошли до его дома — трёхэтажного, с эркером и водосточной трубой, которая всегда гудела на ветру. Сегодня труба не гудела. Она пела. Тихо, на одной ноте, как будто вспоминала колыбельную. Тимофей вошёл. В квартире было холодно и пахло можжевельником. На кухонном столе лежала записка, написанная Адиным почерком: «Не верь архиву. Архив — это черновик. Я — чистовик». Рядом стояла чашка с отбитой ручкой, полная горячего чая. Чай ещё парил. Тимофей оглянулся. Тень сидела в кресле у окна. В руках у неё были спицы и клубок серой шерсти. Она вязала. Спицы постукивали, и в такт этому стуку на подоконнике проступали слова: «Сутки истекают в полночь. Не успеешь — я исчезну».

Тимофей посмотрел на часы. Было десять утра. Значит, у него оставалось четырнадцать часов. Он сел напротив тени. Тень подняла голову — пустую, безликую, но с отчётливым наклоном, как у Ады, когда она слушала. Тимофей сказал: «Ты не она. Она была теплее». Тень опустила спицы. На подоконнике проступило: «Я — то, что осталось. Память без подтверждения. Если меня подтвердят — я стану ею. Если нет — стану ничем». Тимофей спросил: «Как тебя подтвердить?» Тень ответила: «Продли зазор. Каждый час продления — это час, в который я существую. Мне нужно больше времени. Не сутки. Неделя. Месяц. Пока я не вспомню себя полностью». Тимофей сказал: «Я не могу продлить на месяц. Комитет не разрешит». Тень усмехнулась — без губ, но усмехнулась: «Комитет разрешит, если ты подашь заявление не от себя, а от меня. Я — недостающая переменная. У меня есть право на уточнение».

Тимофей пошёл в Комитет. Здание Комитета стояло на холме, над городом, и было похоже на огромный письменный стол, поставленный на попа. Внутри пахло сургучом и кофе. В приёмной сидел секретарь с лицом, как у человека, который всю жизнь пересчитывает скрепки. Звали его Аристарх Модестович. У него была привычка: перед тем как ответить на любой вопрос, он снимал колпачок с ручки и надевал его обратно — три раза. Тимофей положил на стол заявление: «Прошу продлить служебный зазор на семь суток для проведения дополнительной сверки недостающей переменной Вересовой А.Л.» Секретарь прочитал, снял колпачок, надел, снял, надел, снял, надел. Потом сказал: «Заседание назначено на завтра, на одиннадцать ноль-ноль. Но комитет предупреждает: продление зазора свыше двадцати четырёх часов требует подтверждения от обеих сторон — материалистической и идеалистической. У вас есть представитель от идеалистов?»

Тимофей задумался. Он всегда считал, что недостающая переменная — это то, чего не хватает материалистам: что-то, что не имеет веса, но имеет значение. Идеалисты же, наоборот,

считали, что всё имеет значение, а вес — это договор. Тимофей не любил идеалистов. Они казались ему людьми, которые забыли, где оставили собственную руку. Но сейчас выбора не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.